

Особенности российской экономической ментальности

Е.С. БАЛАБАНОВА

В статье рассматриваются исторические аспекты формирования российской экономической ментальности и ее влияние на экономическое поведение граждан в современной России. Основной акцент сделан на выяснении причин устойчивости коллективистских ценностей и норм поведения, обусловивших «перераспределительный» характер развития российской экономической системы. Особенности материально-технологической среды, хозяйственная этика русского православия, сильное государство и исторически сложившиеся формы организации общественной жизни стали важнейшими факторами, обусловившими специфику ценностей и норм поведения россиян в сфере жизнеобеспечения. Противоречие современного этапа развития России заключается в том, что рассмотренные характеристики российской экономической ментальности больше тяготеют к «восточному» типу, в то время как общей моделью институционального развития России является Запад. Это обуславливает проблему конгруэнтности российских и западных институтов, анклавный характер ростков либеральной экономической культуры в современной России.

Чтобы понять специфику российских экономических институтов как совокупности норм, правил и механизмов принуждения к их исполнению, необходимо рассмотреть глубинные установки и ценности, устойчивые психологические реакции россиян, определяющие, будет ли данная норма воспринята или отвергнута. Данная задача может быть решена при рассмотрении российской экономической ментальности как исторически сложившегося долговременного устроения, единства сознательных и бессознательных ценностей, норм и установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом воплощении [В поиске 1995]. О необратимости институциональных изменений в экономике можно говорить лишь тогда, когда они интериоризованы, затрагивают сферу ментальности, то есть перемещаются на уровень глубинных базовых представлений, символов и ценностей, которыми люди руководствуются в своем повседневном хозяйственном поведении.

Тот факт, что идеи, идеологии, психологические свойства людей могут тормозить или блокировать перемены, неоднократно отмечался в последние годы исследователями трансформационных процессов. На примере Восточной

Европы П. Штомпка [*Штомпка* 1996] показывает, что одним из главных барьеров, препятствующих переходу к рынку, является широко распространенный синдром «социалистической ментальности». Подобно ему, авторский коллектив под руководством Ю. Левады отмечает, что феномен «человека советского» еще долго будет присутствовать в массовом сознании населения России [Советский простой человек 1993]. В последние годы проблематикой национального менталитета интересуется все большее количество исследователей в разных областях знания*. В социологии попытки его эмпирического изучения предпринимаются путем массовых опросов населения (на их результатах основана монография под общей редакцией И.Г. Дубова [Ментальность 1997]). Однако и здесь авторский коллектив отмечает, что целостную характеристику менталитета можно дать только в междисциплинарной перспективе, базируясь на исторических данных, подходах социологии и социальной философии, культурологии и лингвистики.

Природно-географический фактор становления российских экономических институтов: коммунальная производственная среда

Экономическая ментальность формируется в результате кристаллизации в памяти народа многовекового опыта хозяйственной деятельности, ее организационных и материально-технологических особенностей. Российская экономическая культура характеризуется живучестью *уравнительных механизмов redistribution* материальных ресурсов. Почему же эти практики и соответствующие им ценности оказались столь сильны, а ценности индивидуализма — не развиты?

России исторически была присуща коммунальность как устройство материально-технологической среды, при котором все ее части являются единой нерасчленимой системой и не могут быть обособлены без угрозы ее распада [Кирдина 1999]. *Малая плотность населения* на больших пространствах современной России обуславливала меньшую остроту борьбы за территорию проживания, но повышала необходимость *мобилизаций* — коллективной защиты от внешних нападений и коллективных усилий в осуществлении трудоемкого подсечного земледелия в условиях короткого и холодного лета.

Однако еще более важным для развития национальной экономической культуры было следующее обстоятельство. Согласно Ф. Хайеку [*Хайек* 1992], слабая заселенность территории препятствует добровольной специализации и разделению труда, а значит, и эффективному использованию имеющихся ресурсов, развитию механизмов обмена и большей доходности труда. Если специализация приводит к росту индивидуальной производительности, способов передачи информации, процессам социально-экономической дифференциации, то, напротив, малая плотность населения блокирует развитие этих процессов. Если в Средние века на Западе интенсивная урбанизация способствовала индивидуа-

* Интересны попытки уловить связь экономической ментальности и неформальной экономики [Барсукова 2001].

Особенности российской экономической ментальности

лизации общественной жизни, то на Руси неразвитость городов, большой удельный вес натурального хозяйства и неденежного обмена законсервировали коллективистские формы организации людей. В условиях преобладания натурального хозяйства население вынуждено было кормиться тяжким трудом, использовать примитивные методы обработки земли и формы обмена, а значит, *существовать в режиме выживания*. Слабая заселенность территории современной России создала условия и для развития *экстенсивной культуры*: обилие земли и других природных ресурсов ослабляло проблему их экономного использования, поэтому увеличение объемов производства шло преимущественно за счет роста количества обрабатываемых земель, и в меньшей степени — за счет *рационализации* аграрных технологий («труд *versus* высокие технологии»).

Жизнь в режиме выживания и мобилизаций требовала наличия сильных перераспределительных механизмов внутри социума, что обусловило возникновение и развитие наиболее эффективной формы организации социально-экономической жизни в тех условиях — общинной. Важнейшими характеристиками общинных форм поведения являлись *редистрибуция и реципрокация*. Редистрибутивные практики обеспечивались обычаями уравнительного перераспределения: потлачем (дарением излишков), помочами (совместной трудовой деятельностью), «нарядами миром», толоками, складчиной. Реципрокный («взаимный») характер такого обмена означал, что обмен осуществлялся между равными, а получение помощи накладывало на получателя обязательство немедленно отозваться на призыв оказавшего ему помощь, когда тот будет в ней нуждаться.

Таким образом, в основу нормативной базы общины было положено представление о человеке не как о самостоятельной единице, а как *принадлежности целого*. Это обуславливало не только развитие коллективистских обычаев, но и типа культуры в целом, которую некоторые исследователи называют «детерминистской» [Овсянников 2000]. Для такой культуры характерен внешний локус-контроль, в ней человек зависим от социальной организации, является объектом воздействия. Как известно, подавляющую часть населения России вплоть до сталинской индустриализации составляло крестьянство — социальный слой, который в полной мере является носителем общинной этики выживания, что и позволяет говорить о ней как о характеристике российской экономической культуры в целом.

Экономическая рациональность: прибыль *versus* справедливость

Дальнейшее развитие русской цивилизации было связано со становлением государства и принятием христианства. В отличие от появившихся позднее протестантских вероисповеданий, иудейско-восточнохристианская традиция рассматривала труд как неприятную необходимость, наказание человека за первородный грех. Хозяйственная этика и трудовая мораль в русском православии заняли подчиненное место по сравнению с трудом духовным. Главным в деле спасения души было терпение. Самоутверждение было направлено внутрь себя,

на «устроение» собственной личности [Касьянова 1994]. Подобные факторы обуславливали сдержанное отношение к накопительству и собственности.

Этика выживания русского крестьянства и профессиональные нормы православия обусловили существование *бедности как типа культуры*. Материальное благосостояние человека отделялось от его собственной активности и ответственности. Русской культуре было свойственно более терпимое, чем на Западе, отношение к неудачникам хозяйственной деятельности, помощь бедным составляла важнейшую нравственную обязанность христианина. Нищие занимали в средневековой русской культуре совершенно определенную — индугентную — нишу: через подавание выполнялась заповедь о любви к ближнему. Таким образом, нормативно закрепляются перераспределительные обычаи славянской общины, только теперь инструментом редистрибуции становится милостыня и благотворительность.

Кроме того, православное христианство усиливает фаталистические черты национального характера («все в воле Божьей»). Они проявляются и в русском языке, в котором четко видны характеристики неагентивности — неподвластности людям их собственной жизни. Неагентивность видна в недостаточной выделенности индивида как автономного агента и контролера событий, а также в любви к морали — абсолютизации моральных измерений человеческой жизни, приверженности крайним и категоричным моральным суждениям. Люди выступают не как «деятели», а, скорее, как «претерпеватели». Так, по утверждению Н. Бердяева, природа русского народа «определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, она всегда ждет жениха, мужа, властелина» [Бердяев 1915]. Фатализм национального характера обуславливает низкие ранги активно-достижительских ценностей и в современной России, в то время как ценности, связанные с возможностью *не работать*, имеют в России значительно более высокие ранги, чем в западных странах [Магун 1997, с. 150].

Подобная специфика мировосприятия обуславливает смысловое наполнение таких терминальных ценностей, как *свобода, труд, успех*. Так, если для западной культуры типично понимание успеха как результата собственных усилий, то в русской культуре успех — это следствие везения (вспомним сказки, в которых выигрывает бездеятельный, но добрый и удачливый герой). Аналогично по степени субъектности различаются западное и российское понимание свободы. В отличие от либеральной трактовки свободы как независимости и ответственности, свобода в русской культуре в сочетании с правовым нигилизмом как неотъемлемой чертой национальной общественной традиции выглядит как вольница, анархия, возможность делать «все, что хочется». Бессубъектность «свободы по-русски» фиксируется и в сегодняшних опросах общественного мнения, согласно которым материальный достаток выступает наиболее распространенным условием свободы [Шабанова 2000].

Таким образом, есть основания говорить о *традиционализме* российской экономической культуры. Его отличительными признаками являются ценностно-рациональное поведение, уравнилельные и недостижительские ценности, представление о «неправедности» богатства, гипертрофированная значимость персонифицированных связей. «Традиционалистский» строй мышления выражается, в частности, в том, что человек не склонен заработать больше, он просто хочет жить так, как привык. При затруднениях традиционалисты не наращивают усилия, а сокращают потребности [Вебер 1990, с. 81—88]. Это сужде-

Особенности российской экономической ментальности

ние М. Вебера подтверждается и результатами современных исследований. Так, в провинциальных городах России основной реакцией на падение денежных доходов населения в течение последнего десятилетия было не активное вовлечение в рыночную экономику, а бегство от нее [Вагин 1997, с. 61].

Сильное государство и «догоняющая модернизация»

Упомянутая выше коммунальная материально-технологическая среда жизнедеятельности требовала не только коллективистских форм хозяйственной жизни, но и единого централизованного управления. Это привело к формированию институтов, характерных для восточной институциональной матрицы [Кирдина 2000]. Особая роль государства проистекает из существовавшей необходимости внешней защиты, локальной разобщенности русских земель и многовековым процессом их собирания. Это способствовало развитию сильного (экспансионистского) государства, вмешивающегося во все сферы жизни общества.

Другим важнейшим фактором, обусловившим примат роли государства в экономической жизни, были особенности модернизации России. Российский вариант «догоняющего развития» был связан с «революциями сверху», истоками которых была вынужденная необходимость (экономическая отсталость, военные поражения от западных стран). К наиболее острым проблемам модернизации страны, которая не производит собственных культурных образцов, а заимствует их извне, относятся «искусственный» характер самих инноваций, их несоответствие существующим социально-экономическим институтам. Изменение российских институтов носило дискретный характер, в результате чего развитие экономической культуры всегда на шаг отставало от изменений в технологиях.

Вестернизация России, начиная с Петра I, проводилась по инициативе верхов, поэтому обычно она оказывалась делом активного меньшинства, масса же народа чаще всего служила, по выражению А. Герцена, «мясом освобождения». Все модернизации инициировались его главным агентом — государством, проводились в форсированно-мобилизационном темпе, за счет и на основе архаических структур. Так, к началу XX в. в России утверждается «небоскрежный» капитализм [Государство 1999, с. 7], развитие которого в основном шло «сверху», путем властного вмешательства государства и при широком участии иностранного капитала, поэтому он лишь в малой степени выступал в своей классической форме — свободной конкуренции.

Следствием запаздывающих модернизаций являются радикальные общественные изменения, социальная цена которых достаточно высока. Поскольку реформы не вызревали в результате естественного развития институтов, а насаждались сверху, они долго оставались «насилием над массами». К жизни в режиме мобилизации, связанной с сельскохозяйственными циклами, и этике выживания русского крестьянства запаздывающие модернизации добавили и высокую степень нестабильности. Говоря о мобилизационном характере исторического развития России, Ю. Лотман отмечает, что русская культура мыслит себя в категориях «взрывов»: «даже постепенное развитие мы хотим осуществить, применяя технику взрыва» [Лотман 1992, с. 269—270]. Такие модернизации воспитали в народе страх перед реформами и недоверие к власти. Пассив-

ное сопротивление реформам закладывает в них механизмы отставания, необходимость новой, и опять запаздывающей, модернизации [Наумова 1994].

В условиях, когда завтрашний день непредсказуем и может нести как неожиданные взлеты, так и угрозы потерь, «рациональной» формой поведения населения становится жизнь сегодняшним днем. Ограниченность возможности планирования своей жизни обуславливает примат краткосрочных целей, а будущее связано с мечтами о магическом скоробогастве. В свое время А. Герцен писал: «Забота об будущем не в нашем духе; на словах готовы мы взвалить на свои плечи хоть все человечество <...>, на деле — боимся всякого труда, всякой мысли, живем настоящей минутой <...>. Даже материальной заботы об будущем нет; на того, кто об этом думает, в России показывают пальцем» [Цит. по: Ментальность 1997, с. 100]. Те же оценки даются и сегодняшним умонастроениям россиян: «мы — нация, ориентированная на потребление, готовая проесть все и не готовая к инвестированию» [История 1999, с. 25]. Мобилизационное сознание, выработанное в условиях экономической и политической нестабильности, ориентирует человека на потребительство, а улучшение своей жизни он связывает с утопическим прыжком в лучшее будущее, радикальными общественными изменениями, везением, заботой государства. В подобных же условиях нестабильности существует элита. Гедонистическая идеология, демонстративное потребление, «синдром временщика» — неотъемлемые характеристики элиты общества неорганичной модернизации.

С IX в. в России складывается «раздаточная» экономика, в которой главным субъектом было сильное централизованное государство, и основой которой была служебная организация труда. Аккумулируя материальные блага, институты раздачи создавали материальные условия для жизнеобеспечения населения страны [Бессонова 1999]. Столетиями в России складывались отношения личной зависимости в политической, экономической, культурной сферах, что сегодня дает исследователям основания говорить о том, что корни современных политических, экономических и нравственных проблем России — в неземансипированном от власти «маленьком человеке» [Митяев 1998, с. 64].

Таким образом, сильное государство, которое одновременно является субъектом насилия по отношению к индивиду и источником важных благ, формировало тип личности, отчужденной от управления страной, но, с другой стороны, редко открыто противостоящей государственному насилию. Институты пожалований и жалоб обусловили приспособление к специфическим каналам получения материальных благ — не через независимость и свободную конкуренцию, а через лояльность к власти (материальные блага не «зарабатывались», а «заслуживались»). Отсюда — гипертрофия надежд «маленького человека» на верховную власть, оправдание ее вмешательства в жизнь общества, что нередко уравнивалось и с оправданием самоволия. Монархическая традиция, наивная русская вера в «добротого царя», ожидание Вождя, Хозяина, Лидера оставались преобладающими в сознании народных масс вплоть до XX в.

Специфика отношений собственности в России

Необходимо отметить неприменимость к российским общественным условиям западного принципа священности и неприкосновенности частной собствен-

Особенности российской экономической ментальности

сти. Если на Западе собственность являлась условием независимости индивида, то наделение собственностью человека в раздаточной экономике означало его «привязывание» к государству. Строго говоря, в национальной экономике преобладали не столько отношения *собственности*, сколько *владения*, поскольку все слои населения в той или иной форме были законодательно прикреплены к земле [Бессонова 1999]. Российской национальной традицией, перекочевавшей из дореволюционной России в советскую и далее — в квазирыночную, является слабая правовая защищенность субъектов экономической деятельности, составляющей частью которой является слабая защита прав собственности. Высокие издержки по спецификации и защите частных прав способствовали формированию и преобладанию в России институтов общественной, а не частной, собственности. Отличительным признаком института общественно-служебной собственности выступает отсутствие у какого-либо частного лица или социальной группы всей полноты прав на тот или иной материальный или нематериальный объект [Бессонова 1999]. Раздаточная экономика означает условный характер владения собственностью, а условия этого владения не исчерпываются формальными требованиями исполнения государственных обязанностей (например, военной службы), но в значительной степени определяются произволом государства и его представителей. В первом случае государство ведет себя как дискриминирующий монополист, во втором наблюдается рентоориентированное поведение бюрократии — получение доходов, связанных с ее текущим социальным статусом. Это поведение вытекает из монопольного права принятия решения, от которого зависят другие экономические агенты. Не являясь собственниками ограниченных ресурсов, представители бюрократии извлекают доход, имея доступ к ним в условиях недостаточной защиты другими агентами своих прав на те же ресурсы. Поэтому в России борьба за экономические ресурсы заключалась не столько в получении их в *собственность*, сколько в захвате *контроля над их распределением*.

Незащищенность собственников, с одной стороны, и возможность быстрого обогащения — с другой, были связаны с повторяющимися перераспределениями собственности в процессе осуществления запаздывающих модернизаций и смен политических режимов. У государства всегда неявно присутствовало право экспроприации собственности, что определяло высокие риски экономической деятельности и узкий горизонт планирования действий экономических агентов. Ненадежная защита прав собственности и заключенных контрактов обуславливали низкий уровень доверия в обществе, неблагоприятный инвестиционный климат, откачку ресурсов, репатриацию прибыли, недоинвестирование, хроническую нехватку ресурсов государства для осуществления своих программ. Возникал порочный круг, когда нестабильность приводила к нехватке ресурсов, а необходимость изыскания дополнительных ресурсов должна была обеспечить право государства в нужный момент «прижать» собственника, по своему усмотрению менять правила игры.

Номо soveticus и факторы его формирования

Революция 1917 года в России ознаменовала собой новый этап развития раздаточной экономики. Социалистический эксперимент оказался возможен в стра-

не с давними традициями коммунальности, уравнительного распределения, доминирования политических задач над экономическими, внеэкономического принуждения со стороны государства, которому слабо развитое гражданское общество делегирует бремя ответственности за себя.

Подобно тому, как столетиями ранее крестьянство законодательно прикреплялось к земле, отныне все трудоспособное население было прикреплено к государственным предприятиям и организациям, вне которых оно просто не могло иметь законных средств к существованию. Новым в экономических отношениях стал запрет частной собственности на средства производства, всеобщее обязательное участие в производственной и управленческой деятельности на объектах единой государственной собственности. В условиях командной экономики на вершине экономической иерархии оказались не *собственники*, но *распорядители* ресурсов. Подобный принцип распределения в сочетании с немонетарным характером советской экономики привел к тому, что социальное неравенство в советском обществе носило не *трудоактивный*, а *статусный* характер. Ценностная рациональность в советской экономике выражалась, в частности, в подмене экономических стимулов трудовой деятельности политическими и моральными, основанными на патриотизме и сознательности трудящихся.

Парадигмой производственных отношений в СССР стал патернализм государства по отношению к своим гражданам, определяемый как система устойчивых самовоспроизводящихся отношений между работником и государством, когда в обмен на заданную работнику трудовую активность ему предоставляется возможность удовлетворения лимитированных жизнеобеспечивающих потребностей. Патернализм предполагает «благотворительный деспотизм» - вмешательство государства в любые сферы жизни человека, причем делается это без согласия опекаемого. За покровительствующей стороной признается право применять санкции или поощрения с целью регулирования поведения зависимой стороны в различных сферах жизнедеятельности. Предпосылками патерналистского менталитета является отсутствие ситуации выбора и ограниченность потребностей граждан [Ланыгин, Эйдельман 1996, с. 92—93].

Государственные предприятия и организации предоставляли гражданам различные социальные блага, многие из которых (жилье, места в дошкольных учреждениях, дефицитные товары, санаторно-курортное лечение) попросту были недоступны вне предприятия. Взамен работодателя (и государство в их лице) получали зависимую, а значит, дешевую и лояльную рабочую силу. Такая «феодалная» организация производственных отношений позволяла сочетать низкую технико-экономическую эффективность советских предприятий с их высокой социально-экономической живучестью [Никулин 1998]. Патерналистско-патриархальные отношения между народом и государством отражались и в газетном языке, начиная с 20-30-х годов: «родное советское правительство», «отеческая забота партии», «всесоюзный староста», «наш вождь и учитель».

Таким образом, на уровне массового сознания формировались и воспроизводились установки на социальное иждивенчество, патерналистское восприятие государственной власти. Человек был редуцирован для обеспечения государственных нужд, но при этом власть рассматривалась им как инстанция заботы, хранитель и гарант социального порядка, источник любого возможного блага. Рабочая сила государственно-зависимого работника в СССР перестала являться его личной собственностью. Командно-административная система при-

Особенности российской экономической ментальности

обрела вид работодателя-благотетеля, с которым было не просто непосильно, но и безнравственно говорить на языке взаимных обязательств. Отношения с государством выстраивались по оси «забота — благодарность». В строго контролируемом распорядке жизни вырабатывались эффекты «*диффузии ответственности*» и «*пролонгированного инфантилизма*»: патернализм государства ослабляет необходимость в собственных усилиях, и люди отказываются принимать ответственные решения, требуют от властей заботы, социальной защиты и других гарантий. «Проблема безбилетника» благополучно переключалась из крестьянской общины в советскую распределительную экономику. В свое время А. Жид писал, что стахановское движение было необходимо в стране, где люди не приучены к труду. В противном случае, предоставленные самим себе, из десяти работников восемь будут бездельничать.

Помимо того, что одним из последствий политики государственного патернализма стала экономическая неэффективность и иждивенческие установки работников, еще одной серьезной издержкой ее стало ограничение социальных прав и свободы граждан. Государство аккумулировало большую часть национального дохода, основные жизненные блага поступали в форме наделения, государственного благодеяния. Образно выражаясь, оно выступало в роли Великого Инквизитора, раздавая людям «хлебы, их же руками добытые». Ценность социальной защищенности, возведенная в абсолют, служила оправданием диктата государственной власти и тоталитарного контроля над личностью.

Отделенный от спроса и предложения псевдоэкономический институт перераспределительно-уравнивающего вознаграждения за труд в СССР, выражавшийся в политике ограничения доходов, существовании «потолка зарплаты», запрете на любые виды предпринимательской деятельности, запрещении частной собственности, ограничивал экономическую активность людей и превращался, по выражению П. Сорокина, в «*раздачу премий посредственности*» [Сорокин 1992, с. 252]. Действительно, в уравнивании всегда больше заинтересован тот, кто не способен успешно конкурировать в борьбе за ограниченные ресурсы общества. Неквалифицированному работнику важно, чтобы средства существования доставались ему независимо от конечных результатов его деятельности, в порядке благотворительного возмещения затраченных физических сил. Выбор в пользу «социальной справедливости» по определению ущемлял права сильного (не случайно в первое же десятилетие существования Советской власти были истреблены самодельные, предпринимательские слои населения). Тяжесть труда (а не его общественная полезность) выступала как составляющая «эквивалентности» обмена. В обществе, где «мерилом работы считают усталость», невозможно было обеспечить эффективное распределение ресурсов: фактически за счет общественных фондов потребления поощрялся непроизводительный, низкоквалифицированный труд.

Таким образом, система государственного патернализма и неэкономических методов стимулирования соответствовала, прежде всего, интересам мало-мобильного, конформного работника с заниженными потребностями. Это была стабильная самовоспроизводящаяся система, значительное место в которой занимало следование традициям и ценностно-ориентированное действие. Как и все традиционалистские системы, она была ригидна для инноваций, барьерами для которых были как формальные правила, устанавливаемые государством, так и повседневные практики, являющиеся «ответами» на созданную систему.

На поведенческом уровне советская экономическая культура воплотилась в массовых зависимых установках, минимизации экономических усилий, ограничении потребностей до уровня «как у всех». Она способствовала воспроизводству крепостнической психологии, пассивности, установок не на саморазвитие, а на приспособление и ориентацию на государство при решении проблем жизнеобеспечения.

* * *

Рассмотрение исторических аспектов формирования российской экономической ментальности позволяет увидеть комплекс достаточно сложных проблем. Они заключаются в принципиальных различиях российских и западных социально-экономических институтов. Сложность выбора пути реформирования российской экономики заключается в том, что, в то время как российская экономическая культура больше тяготеет к восточному типу, более привлекательными и престижными для России традиционно остаются западные модели. В ближайшие годы российские экономические реформы неизбежно будут наталкиваться на «налог прошлого» в массовом сознании. Он заключается в резком противоборстве старого и нового, противоречии между радикальным отторжением старого и стремлением к максимальному его удержанию как чего-то стабильного, стойкого и привычного. Но при этом на уровне отдельно взятых фирм уже сегодня можно наблюдать ростки «новой» экономической культуры, базирующейся на либеральных ценностях. Возможность сгладить противоречия между экономической культурой восточного типа и стремлением приблизиться к Западу на макроуровне появится при максимальной открытости российского общества, интенсивных экономических и культурных контактах с индустриально развитыми странами Запада. Такое «культуртрегерство» позволит привить нормы и ценности западной экономической культуры не только элите, но и массовым слоям населения.

Литература

- Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика и система ценностей россиян // Социологические исследования. 2001. № 1.
- Бердяев Н.* Душа России. М, 1915.
- Бессонова О.Э.* Институциональная теория хозяйственного развития России // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. *Т.И. Заславская, З.И. Калугина.* Новосибирск: Наука РАН, 1999.
- В поиске социальной парадигмы (Круглый стол) // Социологические исследования. 1995. № 10.
- Вагин В.В.* Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. 1997. № 4.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма / Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Государство и частное предпринимательство в условиях «догоняющего развития» (Круглый стол) // Общественные науки и современность. 1999. № 1.
- «История нас рассудит». Интервью с *Е.Г. Ясиным* // Общественные науки и современность. 1999. № 5.

Особенности российской экономической ментальности

- Касьянова К.* О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994.
- Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000.
- Кирдина С.Г.* Экономические институты России: материально-технологические предпосылки развития // *Общественные науки и современность*. 1999. № 6.
- Лапыгин Ю.Н., Эйдельман Я.Л.* Мотивация экономической деятельности в условиях российской реформы. М.: Наука, 1996.
- Лотман Ю.М.* Культура взрыв. М.: Гнозис, 1992.
- Магун В.* Российские трудовые ценности в сравнительной перспективе // *Социологические чтения*. Вып. 2 / Отв. ред. *Е.Н. Данилова*. М.: ИС РАН, 1997.
- Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под общ. ред. *И.Г. Дубова*. М., 1997.
- Митяев Д.* В жерновах истории // *Свободная мысль*. 1998. № 2.
- Наумова Н.Ф.* Социальная политика в условиях запаздывающей модернизации // *Социологический журнал*. 1994. № 1.
- Никулин А.М.* Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз / Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под общ. ред. *Т.И. Заславской*. М.: Дело, 1998.
- Овсянников А.А.* Социология катастрофы: какую Россию мы носим в себе? // *Мир России*. 2000. № 1.
- Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. *Ю. Левады*. М.: ВЦИОМ, 1993.
- Сорокин П.* Проблема социального равенства // *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред. *А.Ю. Согомонова*. М.: ИПЛ, 1992.
- Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992.
- Шабанова М.А.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000.
- Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.